

СТРАСТЬ

К

КЭРОЛ
ЭН ЛИ

ОТРАВЛЕН

НИЯМ

18+

ТЫ НИКОГДА
НЕ УЗНАЕШЬ,
ЧЕМ МОЖЕТ
ЗАКОНЧИТЬСЯ
ТВОЕ ЧАЕПИТИЕ

- ШКОЛЬНИК
- ОТРАВИТЕЛЬ
- СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА

Criminal Story. Психология преступления

Кэрол Эн Ли

**Страсть к отравлениям. Ты
никогда не узнаешь, чем может
закончиться твое чаепитие**

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

Ли К.

Страсть к отравлениям. Ты никогда не узнаешь, чем может закончиться твоё чаепитие / К. Ли — «Эксмо», 2021 — (Criminal Story. Психология преступления)

ISBN 978-5-04-177366-3

Невероятная история преступлений самого печально известного серийного убийцы – британского школьника Грэма Янга. Весьма готичная британская криминальная история, действие которой происходит в послевоенных пригородах Лондона. Летом 1962 года четырнадцатилетнего Грэма обвинили в отравлениях школьного друга и членов семьи, которые он осуществлял, добавляя сурьму в школьные ланчи, воскресное жаркое и утренние чашки чая. Суд над Грэмом, у которого диагностировали множественное расстройство личности, привел к его задержанию в Бродмуре, где он был самым молодым пациентом. Но самый большой вред Грэм причинил после освобождения из Бродмура. Найдя работу в фирме по производству фототоваров, он готовил чай и кофе для своих коллег. И очень скоро у многих сотрудников начались ужасные боли в желудке... В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн. Понравилась книга? Знаем, что стоит прочитать дальше! В PDF-приложении или в конце книги вы найдете секретный промокод на скидку 40%

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-177366-3

© Ли К., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Введение	7
I	14
Пролог	15
II	21
Глава 1	22
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Кэрол Эн Ли
Страсть к отравлениям. Ты
никогда не узнаешь, чем может
закончиться твое чаепитие

«Это по-настоящему ужасная история.

Вы будете шокированы и удивлены».

ГРЭМ ЯНГ,

ДОПРОС ОТ 1972 ГОДА

Carol Ann Lee

A PASSION FOR POISON

Text Copyright © Carol Ann Lee, 2021

Originally published in the English language in the UK by John Blake Publishing, an imprint of Bonnier Books UK Limited, London.

The moral rights of the author have been asserted.

© Ермилова П.В., перевод на русский язык, 2023

© ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Введение

Краткая история отравлений

Ноябрь 1971 года, подходит к концу очередной смутный год. В Северной Ирландии не утихает война, пожилые британцы все еще привыкают к десятичной денежной системе¹ и каждый раз при оплате спрашивают: «А сколько это в настоящих деньгах?» Президент Никсон наблюдает, как по Вашингтону маршируют полмиллиона человек, протестуя против Вьетнамской войны, в кинотеатрах крутят жестокие фильмы «Соломенные псы» и «Заводной апельсин». Детей не оторвать от просмотра «Сороки», «Мистера Бина», «Клэнгерса и Крэкерджека»². Их родители предпочитают «Автомобили Z», «Возможность на миллион», «Встречайте, Майк Ярвуд!» и «Линию Онедина»³. Глэм-рок совершает блестящий андрогинный дебют в мире поп-музыки и взбирается на его вершину, возглавляемый импозантным Марком Боланом⁴ на каблуках и в боа.

Арест кладовщика Грэма Янга в графстве Хартфордшир не тянул на громкое событие в британской истории даже в такой безрадостный год. И все же в мрачный полдень в городе Хемел-Хемпстед этот высокий, темноволосый и стройный молодой человек с острыми чертами лица сидит в полицейском участке на Комб-стрит. Зажав сигарету пальцами в никотиновых пятнах, он спрашивает сидящего напротив детектива:

– Вы читали «Балладу Редингской тюрьмы»⁵, инспектор?

И тут же цитирует знаменитые строки Оскара Уайльда:

Любимых убивают все,
Но не кричат о том.
Издевкой, лестью, злом, добром,
Бесстыдством и стыдом,
Трус – поцелуем похитрей,
Смельчак – простым ножом.

Помолчав, он добавляет:

– Я, как видите, предпочитаю поцелуи.

Скоро мы поймем, почему преступления этого невзрачного молодого человека изменили ряд важнейших аспектов в британских законах, судебной медицине и работе органов власти. Слова Грэма Янга в полицейском участке перекликаются с позицией драматурга Джона Флетчера. Эпиграфом к его комедийной пьесе «Шансы» 1617 года служит фраза: «Яд – оружие трусов». Писатели обожают травить персонажей своих книг. Этот скрытный, таинственный и пугающий способ позволяет убийце нанести смертельный удар жертве с расстояния в несколько миль.

Яд чернилами течет по перьям огромного количества писателей-криминалистов, символизируя грех и предательство. Зачастую подобные истории вдохновлены реальными случаями отравлений. Так уж вышло, что отравители значительно отличаются от своих собратьев по

---

¹ Десятичная денежная система – денежная система, в которой основная денежная единица делится на 10, 100, 1000 разменных единиц. Великобритания и Ирландия стали последними европейскими странами, перешедшими на нее в XX веке. Фунт стерлингов (20 шиллингов или 240 пенсов) в 1971 году стал десятичным (100 пенсов).

² Детские британские передачи.

³ Развлекательные британские передачи.

⁴ Марк Болан – британский певец, автор песен и гитарист, лидер группы T. Rex.

⁵ Поэма Оскара Уайльда, написанная в конце 1897 года.

убийствам: они одержимы жутким декадансом, который наполняет их преступления отвратительной неуместной ностальгией.

Яды стары как мир. В доисторические времена охотники обмазывали наконечники своих стрел змеиным ядом. Древние коренные жители Южной Америки мастерили смертельные дротики, используя для них сок растений и яд лягушек (в мире существует более 200 тысяч видов ядовитых животных, включая рыб, пауков, пчел, улиток и даже птиц). Греческим словом «токсикон» называли ядовитые стрелы, именно от него произошли знакомые нам слова «токсичный» (то есть отравленный ядовитой стрелой) и «токсин». Ядовитые стрелы упоминаются в работах греческого философа Аристотеля, который писал о кочевых скифах. Они пропитывали свое оружие смесью разлагающихся отходов и экстракта из гниющих змей. Такой яд быстро провоцировал у жертвы сепсис⁶. Аристотель также писал о своем коллеге, греческом философе Сократе, которого приговорили к смертной казни в 399 году до нашей эры за то, что он якобы развращал афинскую молодежь. В качестве формы казни Сократ выбрал яд и умер в окружении друзей, проглотив болиголов⁷. По легенде, это растение стало ядовитым после того, как на него попала кровь распятого на Голгофе Иисуса Христа.

Исследователи находили рецепты ядов, начертанные иероглифами в одном из старейших медицинских документов мира – папирусе Эберса⁸. Первый известный египетский фараон Менес очень интересовался ядами, а одним из самых знаменитых самоубийств в истории считается отравление Клеопатры змеиным ядом. Отец китайской фитотерапии⁹ Шэнь-нун экспериментировал с 365 видами трав, пока один из них не убил его. Первый китайский император Цинь Ши-хуанди отравился «эликсиром бессмертия»¹⁰. Яд был излюбленным оружием убийц в Древней Греции, Персии и Индии. Императоры Великих Моголов¹¹ приносили в дар своим врагам пропитанные отравой одежды, а преступников приговаривали к смерти от яда.

Первый закон против отравлений сохранился в древнеримском праве. Диктатор Луций Корнелий Сулла издал соответствующий указ в ответ на серию убийств – на тот момент не менее шести римских императоров пали жертвами ядов. Жена императора Клавдия Агриппина отравила супруга, чтобы власть получил ее сын Нерон. Тот, в свою очередь, нанял некую Локусту¹² в качестве личной советницы по ядам. С ее помощью он избавился от матери, брата и нескольких жен, а также отравил сводного брата. В общей сложности 170 женщин признали виновными в злонамеренном применении яда во времена Римской империи. Согласно одной из теорий, ее упадок и падение вызвало отравление водопроводных труб свинцом. Это похоже на правду: симптомы свинцового отравления включают в себя истощение умственных способностей и снижение либидо, а некоторые императоры как раз проявляли признаки безумия, и население в целом страдало от снижения рождаемости.

Рим эпохи Возрождения стал свидетелем появления печально известной династии отравителей – Борджиа. Возглавляемая Родриго Борджиа, папой Александром IV, семья действовала беспощадно, чтобы сохранить власть в католическом духовенстве. Она расправлялась со своими врагами, кардиналами, епископами и дворянами с такой завидной регулярностью, что английский эссеист Макс Бирбом в своих работах отмечал: «Борджиа отбирали редкие яды для

---

⁶ Сепсис или заражение крови – тяжелое инфекционное заболевание, которое развивается как системная воспалительная реакция при попадании в кровь инфекционных агентов или их токсинов.

⁷ Растение также называют «отравителем Сократа».

⁸ Древнеегипетское медицинское сочинение, написанное иератическим письмом на папирусе. Наряду с папирусом Эдвина Смита, относится к старейшим из известных сохранившихся рукописей, в особенности текстов медицинского содержания.

⁹ Фитотерапия – метод лечения и профилактики заболеваний человека и животных, основанный на использовании лекарственных растений.

¹⁰ Считается, что император принимал «пилюли бессмертия», содержавшие ртуть.

¹¹ Империя Великих Моголов – государство, существовавшее на территории современной Индии, Пакистана, Бангладеш и юго-восточного Афганистана в 1526—1540 и 1555—1858 годах.

¹² Римская отравительница родом из Галлии. Считается, что ее услугами пользовались императоры Калигула и Нерон.

своих подвалов с такой же тщательностью, как выбирали вина». Согласно последним исследованиям, Лукреция Борджиа не заслуживала своей устрашающей репутации, зато ее брат, герцог Чезаре, был настоящим серийным отравителем и убил десятки людей. Борджиа любили испытывать токсины на нищих, экспериментировали с аконитом, стрихнином и другими ядами. Именно они изобрели смертельную смесь, известную как «кантарелла». Считается, что в ее состав входили жуки нарывники и мышьяк. Отравленное кантареллой вино жертвам подавали за ужином.

В Италии в XVI веке существовала необычная гильдия – Совет десяти. Алхимики этого сообщества травили людей за определенную плату и скрупулезно вели бухгалтерский учет в тонкой книжечке с пометкой «Совершенно секретно». Широко распространено мнение, что еще одна почтенная итальянская сеньора, Екатерина Медичи, тайно провезла во Францию свою коллекцию книг о ядах. Когда она вышла замуж за короля Генриха II, в народе ее стали называть Черной королевой. Она прятала смертельные зелья в маленьких флакончиках по шкафам королевской резиденции и экспериментировала с ними на заключенных и животных. Король жил в страхе перед женой, ее подозревали в отравлении его брата и будущей свекрови дочери. Последняя, кстати, скончалась, примерив пропитанные ядом перчатки. К концу XVI века Франция превратилась в настоящий рассадник отравителей. Знатные мужчины и женщины, а также богачи регулярно умирали от мышьяка. Это вещество называли «порошком для наследников». Известны случаи, когда его в умеренных количествах давали кормилицам и яд через грудное молоко убивал младенца-наследника.

В Англии часто, но неудачно покушались на жизнь королевы Елизаветы I. Испанцы, в частности, однажды наняли убийцу, который измазал луку ее седла ядом на основе опиума. В это же время на другом конце света китайские императоры так опасались отравления, что клали в еду брусочки серебра, а затем тщательно их изучали. Они считали, что драгоценный металл потускнеет, оказавшись в ядовитой пище. Но именно во Франции токсичные вещества представляли настоящую угрозу для членов королевской семьи и знати. Священники собора Парижской Богоматери выслушали столько исповедей отравителей, что в итоге в стране сформировали Огненную палату – особый трибунал для «ядовитых» преступников. Указами этого органа в итоге казнили более 400 человек. Центральной фигурой преступного мира в то время была гадалка Катрин Деэ. Больше известная как Ля Вуазен, Деэ продавала уникальный напиток из мышьяка, опиума, белладонны и аконита богатым женщинам, желавшим избавиться от мужа или ребенка. Ее признали виновной в покушении на убийство короля Людовика XIV, подвергли пыткам и сожгли на костре.

Именно женщины составляли костяк тайных сообществ отравителей, которые возникли в Италии в это же время. Они добывали токсичные вещества и учили приготовлению ядовитых смесей. Гадалка Иеронима Спара руководила тайным сообществом в Риме, которое оказывало услуги недовольным женам. Самой известной торговкой ядами была мадам Джулия Тофана, создавшая собственное смертельное вещество под названием «вода Тофаны». Долгое время ей удавалось оставаться в тени, пока по городу не поползли слухи, что она отравила римский водопровод. Под пытками Тофана призналась в убийстве 600 человек, в том числе двух пап римских. Ее казнили в 1659 году вместе с дочерью и тремя помощницами, остальных сообщников заживо замуровали в подземельях дворца Пуччи.

Считалось, что в яде мадам Тофаны содержался мышьяк. Веками его использовали как для лечения, так и с целью убийства. Бесцветный и безвкусный, он применялся в китайской медицине с давних времен, а греческий врач Гиппократ использовал его еще в V веке до нашей эры для лечения язвы желудка. Средневековые алхимики считали, что мышьяк – обязательный элемент эликсира бессмертия. К XVIII веку его снова начали применять в медицине. Мышьяк стал одним из главных ингредиентов раствора Фаулера – средства для лечения самых разных заболеваний, включая астму и сифилис. В 1890 году мышьяк назвали лучшим лекарством от

лейкемии, и его до сих пор используют в рамках химиотерапии при острых формах рака. Дамы активно пользовались мышьяком в качестве косметического средства – например, добавляли в крем для лица. Встречались и более необычные способы сохранения красоты. Диана де Пуатье, любовница французского короля Генриха II (который был женат на специалистке по ядам Екатерине Медичи), была старше монарха на 19 лет. Каждый день она пила зелье из «жидкого золота», чтобы сохранить красоту. Диана верила, что это питье обладает магическими свойствами, если употреблять его в умеренных дозах. В 2009 году французские археологи вскрыли ее могилу и, к своему величайшему удивлению, обнаружили в ее волосах и в земле под останками следы золота.

Мышьяк часто фигурировал в громких судебных процессах викторианской эпохи. Он действительно был частью повседневной жизни огромного количества людей как нечто совершенно будничное. Внедрение систем страхования и доступность мышьяка привели к многочисленным убийствам и покушениям с использованием этого вещества. Отравителей, казалось, стало больше, чем когда-либо: Флоренс Браво, Мадлен Смит, Мэри Энн Коттон, Флоренс Мейбрик, доктор Криппен и Уильям Палмер – вот лишь несколько печально известных имен с «передовой» этого вида убийств. Наибольшую опасность в то время представляли женщины, потому что достать мышьяк им было проще и дешевле, чем получить развод. Правительство попыталось решить эту проблему, приняв закон о регулировании продажи мышьяка в 1851 году. Согласно постановлению, приобретать токсин могли только мужчины. Несмотря на это, многочисленные случаи отравления стали называть «эпидемией» и «колдовством нового времени».

В итоге убийцей «белого вдоводела»¹³ стала наука. Веками врачи бились над способами обнаружения и нейтрализации последствий отравления мышьяком. В рамках одного метода у жертвы брали пробу содержимого желудка и бросали ее в огонь. Если дым пах чесноком, наличие мышьяка в организме подтверждалось. В 1836 году английский химик Джеймс Марш разработал более надежный способ¹⁴. Первой отравительницей, чью вину доказали с помощью пробы Марша, стала француженка, накормившая мужа мышьяковыми пирогами. С годами метод усовершенствовали, и это привело к значительному снижению количества смертей.

По иронии судьбы, научный прогресс сыграл с миром злую шутку. Специалисты разработали огромное количество способов для спасения жертв отравления, но в глобальном смысле их успех привел к миллионам смертей. Ядовитые вещества веками использовались во время мировых войн. Древние греки, римляне и китайцы использовали горящую серу, чтобы выкурить врага из укрытия. Византийцы в VII веке изобрели «греческий огонь» – вещество для уничтожения деревянных кораблей, способное гореть в воде. Его еще называли «древним напалмом». Пару столетий спустя люди придумали новый механизм для убийства – огнестрельное оружие. Его создание стало возможным благодаря открытию пороха китайцами.

В начале XX века мировые правительства стали массово использовать токсические вещества. 22 апреля 1915 года, когда солнце уже заходило над полями недалеко от бельгийского города Ипр, немецкие войска испытали свое новое химическое оружие – 168 тонн газообразного хлора. Один канадский офицер назвал это зрелище «смертоносной стеной, которая медленно катилась по земле, окрашивая юные листья на деревьях, весенние цветы и траву в болезненно-бледный цвет». Ядовитое облако ветром донесло до вражеских окопов, отравленные пары попали в глаза и глотки ничего не подозревавших солдат. Газ ослепил их, вызвал невы-

---

¹³ Неофициальное название мышьяка, который женщины использовали, чтобы овдоветь путем отравления супруга.

¹⁴ Проба Марша основывается на возможности восстановления соединений мышьяка до арсина с помощью сильных восстановителей. Исследуемую пробу помещают в одну пробирку с соляной кислотой и добавляют к данной смеси металлический цинк. Добавка небольшого количества сульфата меди ускоряет реакцию, активируя цинк. Выделяющийся газообразный арсин пропускают через раскаленную стеклянную трубку. При наличии мышьяка в пробе на месте нагрева наблюдается образование зеркала металлического мышьяка.

разимую боль, они задыхались и фактически сгорали заживо. В результате погибло более 7 тысяч солдат.

Химик Фриц Габер всю войну работал над созданием того, что сам называл «высшей формой убийства». У него был личный интерес к испытаниям газообразного хлора в Ипре, он возглавлял разработку еще более опасных видов химического оружия, в состав которых входили иприт и фосген. От их воздействия люди задыхались и впадали в безумие. После операции в Ипре Габера в Берлине считали героем, несмотря на немецко-еврейское происхождение. Спустя месяц после бельгийской операции в его честь устроили вечеринку, чтобы отпраздновать успех. Таланты Габера отталкивали многих, включая его жену Клэр – тоже имени того химика. Она называла ядовитый газ «варварством, подрывающим науку, которая должна делать человеческую жизнь лучше». В самом начале вечеринки Клэр выстрелила себе в сердце и умерла на месте.

В 1918 году Габер получил Нобелевскую премию по химии. 15 лет спустя, когда к власти пришла нацистская партия, ему пришлось покинуть родину. Он умер от сердечного приступа в изгнании, его лабораторию и исследования захватили нацисты. Позднее они применили полученную информацию для разработки «Циклона Б» – формы цианистого водорода, который затем разослали в концентрационные лагеря по всей Европе. С его помощью в газовых камерах убили миллионы евреев, включая членов семьи Габера. В Освенциме от газового отравления ежедневно погибало около 8 тысяч человек. На убийство всех обитателей одной камеры ушло всего 20 минут.

К концу войны, когда поражение Германии становилось все более очевидным, нацистские лидеры начали травиться пилюлями с цианидом. Это вещество использовали в гнусных целях с незапамятных времен – в основном из-за его высокой эффективности и скорости действия. Впрочем, у цианида есть и недостатки: его следы легко обнаружить после смерти жертвы, так как при вскрытии труп издает специфический запах. А однажды цианид вообще не сработал: русский целитель Распутин пережил покушение в 1916 году, когда его попытались убить отравленными пирожными и вином. Потом его застрелили и сбросили в реку Малую Невку. Зато в 1945 году цианид сработал как по писанному. В виде смертоносной таблетки он оборвал жизни Гитлера, его жены и собаки в берлинском бункере. Примеру фюрера последовали его бесчисленные военачальники, правительственные чиновники и сторонники нацистов. «Архитектор» Холокоста Генрих Гиммлер покончил с собой с помощью цианида во время захвата союзниками, так же поступил военачальник Герман Геринг накануне своей казни на Нюрнбергском процессе. Рейхсминистр пропаганды Йозеф Геббельс и его жена Магда убили шестерых своих детей в бункере Гитлера 1 мая 1945 года, а потом покончили жизнь самоубийством, проглотив цианид.

Спустя 20 лет всего один случай отравления цианидом поверг в ужас несколько поколений американцев. На Хэллоуин 1974 года 8-летний Тимоти О'Брайан получил от своего отца Рональда Кларка О'Брайана кислую конфетку «Пикси Стикс» с цианистым калием. Той же ночью мальчик скончался в больнице. Как выяснилось, его отец надеялся рассчитаться с собственными долгами за счет страховой выплаты на сына. «Кондитера» Рональда Кларка О'Брайана казнили через смертельную инъекцию в 1984 году, но это убийство еще долго преследовало Америку, подкрепляя городские легенды об отравленных сладостях. В результате всеобщей паники некоторые больницы и полицейские участки начали бесплатно проверять хэллоуинские угощения на наличие яда.

Четыре года спустя цианистый калий засветился в ужасной истории помасштабнее. Американский проповедник Джим Джонс возглавил массовое самоубийство более 900 адептов своей секты «Храм народов» в Гайане. Сначала родители напоили отравленным фруктовым пуншем своих детей, а потом выпили его сами. Джонс умер вместе со своими последователями, но предпочел уйти из жизни, выстрелив себе в голову. Массовое отравление спровоцировал

визит в «Храм» конгрессмена США Лео Райана и журналистов, решивших расследовать историю о нарушениях прав человека в секте. Четверо членов делегации в Гайану, включая самого Райана, были убиты на взлетной полосе адептами «Храма» при попытке улететь.

К тому времени яд и политика тесно переплелись между собой. В 1950-х годах ЦРУ и КГБ снабжали своих агентов С-таблетками, чтобы те смогли покончить с собой в случае разоблачения. Буква «С» обозначала «смертельно». Яд прятали в очках, авторучках и других мелких предметах. Они ничем не отличались от обычных вещей, но при нажатии активировали смертельный токсин. В пистолете-распылителе, из которого агент КГБ выстрелил в двух лидеров украинских националистов в конце 1950-х, содержался цианистый газ. В последующее десятилетие ЦРУ потратило огромное количество времени на разработку яда для убийства кубинского революционера Фиделя Кастро. Его сигары пропитывали ботулотоксином, в обувь засыпали соли таллия, аппарат для подводного плавания заражали туберкулезными бактериями. Кастро дожил до 2016 года и умер в возрасте 90 лет.

Тайные агенты регулярно прибегали к ядам. Это подтверждает ряд печально известных смертей, например убийство болгарского диссидента Георгия Маркова в 1978 году. Проходящий на улице ткнул его зонтиком, в котором была смертельная доза рицина. Политические убийцы и террористы находили все новые способы применения ядов, проводили операции с использованием нервнопаралитических веществ, таких как зарин и сибирская язва. Бывший офицер Федеральной службы безопасности России Александр Литвиненко медленно и мучительно умирал, выпив отравленный полонием чай. В ноябре 2006 года, незадолго до кончины, опубликовали его фотографию: изможденный и облысевший мужчина, прикованный к больничной койке. В 2018 году российского диссидента Сергея Скрипаля и его дочь Юлию нашли без сознания на скамейке в английском Солсбери – их отравили нервнопаралитическим веществом «Новичок». Скрипали выжили, но в ходе расследования по всему городу обнаружили целые залежи «Новичка», а 44-летняя Дон Стерджесс умерла, прикоснувшись к отравленному флакону духов.

В последние годы в косметологии возрождается применение ядовитых веществ. Один из самых опасных токсинов, известных человечеству, производит бактерия *Clostridium botulinum* – это ботулотоксин. Чтобы убить 20 миллионов человек, достаточно одного грамма. Существует несколько видов этого токсина, один из них в измененной и разбавленной форме входит в состав ботокса. Его используют для лечения серьезных проблем со здоровьем, таких как церебральный паралич и рассеянный склероз, а также для укрепления лицевых мышц с целью уменьшения морщин. Использование яда в погоне за красотой уходит корнями глубоко в историю человечества и возвращает нас к эпохе, когда отравляющие вещества принадлежали скорее к миру магии, а не науки. Шумерская богиня исцеления Гула слыла мастерицей чар и заклинаний и часто имела дело с отравителями. Яд широко распространился в литературе в качестве сюжетного приема: его варят коварные ведьмы в «Макбете», твердя заклинание: «Взвейся ввысь, язык огня! Закипай, варись, стряпня!»; госпожа Бовари травится мышьяком, а ядовитое яблоко из «Белоснежки» знакомо детям во всем мире. Даже история такого на первый взгляд безобидного персонажа, как Безумный Шляпник, из «Алисы в Стране чудес» Льюиса Кэрролла становится весьма трагичной, если копнуть поглубже. В прошлом шляпники обрабатывали войлок нитратом ртути – веществом, которое при комнатной температуре превращается в пар словно по волшебству. Шляпники волей-неволей дышали этими парами за работой и часто страдали от симптомов отравления ртутью, в особенности это касалось мозга и нервной системы. Отсюда и поговорка: «Безумный как шляпник».

Самым знаменитым из всех писателей, которые видели в ядах основной источник вдохновения, была, разумеется, Агата Кристи. Она заинтересовалась токсинами, работая в аптеке. Ее пригласили на должность помощницы фармацевта, когда она работала медсестрой в больнице во время Первой мировой войны. В процессе она получила обширные знания в обла-

сти ядов. Когда началась Вторая мировая война, Кристи вызвалась работать добровольцем в диспансере больницы Университетского колледжа в Лондоне, где возобновила свое обучение. Будучи заядлой читательницей уголовных дел, в дальнейшем она основала несколько своих сюжетов на историях реальных преступников. Например, доктор Харви Криппен¹⁵ вдохновил Кристи на роман «Испытание невинностью», изданный в 1958 году.

Любопытно, что фармацевт, который обучал Кристи в английском городе Торки, стал прототипом злодея в одной из ее самых эзотерических работ «Вилла «Белый конь», опубликованной в 1961 году. Этот же роман неоднократно упоминали во время громкого судебного процесса в Олд-Бейли в июне 1962 года – считалось, что обвиняемый черпал из книги вдохновение. Сам преступник это отрицал. Тем не менее, книга сыграла не последнюю роль в его деле. Участвовавший в расследовании патологоанатом читал «Белого коня» и предположил – и, как выяснилось, оказался прав, – что отравитель использовал тот же необычный яд, что фигурировал в романе, – таллий. В истории Великобритании не было случаев злонамеренного использования таллия, пока на криминальную сцену не вышел юнец, одержимый этим и другими токсинами, – 14-летний школьник из Нисдена Грэм Янг.

---

¹⁵ Американский врач-гомеопат и дантист, ставший фигурантом одного из самых громких дел об убийстве в криминалистике XX века. Убил жену и жестоко расправился над останками, чтобы избежать разоблачения. Был первым преступником, чье задержание стало возможным благодаря радиосвязи.

I
6 Июля 1962 года
Олд-Бейли

Таллий одно время прописывали детям от глистов, затем признали опасным. Иногда его дают как лекарство, но тщательно выверяют дозу, она зависит от веса пациента. Теперь, кажется, им травят крыс. Этот яд не имеет вкуса, легко растворим, всюду продается. Нужно лишь одно – чтобы не заподозрили отравления.
Агата Кристи, «Вилла «Белый конь»

Пролог

Очарование трагедии

В то утро воздух за стенами центрального уголовного суда Олд-Бейли был насквозь пропитан серой и дымом. С начала недели в городе стоял плотный смог, что не на шутку встревожило свидетелей Великого смога 1952 года¹⁶. Тогда катаклизм унес жизни по меньшей мере 12 тысяч лондонцев. Несмотря на принятие Закона о чистом воздухе, в декабре 1962 года, когда ядовитый туман вновь окутал город, погибло еще 700 человек. Только тогда в законы были внесены дополнительные изменения. Запах в английской столице в тот день был не единственным напоминанием о том, насколько смертоносными могут быть химические вещества, особенно там, где законы не работали или умело обходились. В зале № 1 суда Олд-Бейли сидел еще один предвестник трагедии.

Здание Олд-Бейли располагалось в 200 ярдах к северо-западу от собора Святого Павла. Раньше на его месте стояла укрепленная римская стена, в честь которой учреждение и получило свое название. Средневековое здание суда было разрушено Великим лондонским пожаром в 1666 году. После восстановления оно, наряду с Ньюгетской тюрьмой, просуществовало немногим больше века. И суд, и тюрьму в дальнейшем снесли. Новое здание Олд-Бейли открыл король Эдуард VII в 1907 году. Три года спустя в зале суда № 1 состоялось первое сенсационное заседание. Доктора Хоули Харви Криппена приговорили к смертной казни за убийство его супруги Кору Генриетты.

За ним последовали другие громкие дела: Эдит Томпсон¹⁷, Джон Реджинальд Кристи¹⁸, Рут Эллис¹⁹. Ради них зеваки охотно занимали очередь за день или даже за два на Ньюгейт-стрит, чтобы успеть попасть на местечко на общественной галерее в зале суда. За год до того, как наш герой оказался на скамье подсудимых, участники и зрители процесса по делу о публикации романа «Любовник леди Чаттерли» на законных основаниях утверждали, что стали свидетелями начала моральной и культурной революции – в ходе разбирательства издательство «Пингвин Букс» оправдали по обвинению в непристойности²⁰.

В то время в правовой системе действительно происходили важные изменения. Сторонники кампании за отмену смертной казни воспользовались отвращением, вызванным в обществе казнью Рут Эллис – молодой матери, которая застрелила своего партнера-насильника в 1955 году. Движение получило всестороннюю поддержку. 6 июля 1962 года газета «Дейли Геральд» опубликовала петицию от имени графа Харвуда, которую подписали 6 825 человек. В ней премьер-министра Гарольда Макмиллана призывали отменить смертную казнь, а чита-

---

¹⁶ Великий смог – серьезное загрязнение воздуха, произошедшее в Лондоне в декабре 1952 года. Во время антициклона, принесшего холодную и безветренную погоду, загрязняющие вещества (в основном уголь) собрались над городом, образовав толстый слой смога.

¹⁷ Осуждена и приговорена к смертной казни через повешенье в 1923 году за якобы пособничество в убийстве своего мужа Перси, которого зарезал ее любовник Фредерик Байуотерс. Прямых доказательств ее вины не обнаружили, тем не менее присяжные вынесли обвинительный приговор.

¹⁸ Британский серийный убийца, за чьи преступления повесили невиновного Тимоти Эванса. Самого Кристи казнили в 1953 году – спустя четыре года после обвинения Эванса, которого реабилитировали посмертно.

¹⁹ Последняя женщина в истории Великобритании, подвергнутая смертной казни. Была казнена после признания виновной в убийстве своего любовника Дэвида Блейкли.

²⁰ Роман «Любовник леди Чаттерли» называли непристойным в языковом плане, после публикации в Великобритании министр внутренних дел приказал изъять тираж и запретить «непристойную литературу». Роман конфисковали в 1929 году и не издавали до 1960 года. Алэн Лейн, владелец издательства «Пингвин Букс», настоявший на публикации полной версии романа, попал под суд по Акту о непристойных публикациях. Процесс имел историческое значение и стал отражением конфликта поколений и классов. Издательство и владельца оправдали.

телям напоминали, что некоторые категории убийств уже не караются смертью. В статье отмечалось:

«Повешение меньшего числа убийц НИКАК не повлияло на количество убийств. Ясно только ОДНО: закон в том виде, в котором он действует в Великобритании, абсолютно нелогичен. Преступник может избежать петли, но при этом смертный приговор выносят человеку, который в порыве гнева убивает выстрелом. Изменить закон и подвести ВСЕХ убийц под смертную казнь – значит повернуть время вспять. Но решение ЕСТЬ: навсегда избавиться от отвратительного ритуала повешения».

Описанная нелогичность закона косвенно отсылала к делу Джеймса Хэнрэтти, повешенного за три месяца до публикации. Хэнрэтти признали виновным в убийстве ученого Майкла Грегстена на трассе А6. Его возлюбленную Валери Стори преступник изнасиловал и пять раз выстрелил в нее. Чудесным образом ей удалось выжить. Это кровавое убийство стало одним из самых противоречивых преступлений нового времени – главным образом потому, что значительная часть общественности считала Хэнрэтти невиновным²¹.

Хотя имя Хэнрэтти не упоминалось в статье, его тень незримо пропитывала чернила. Незамеченной осталась другая отсылка – «преступник, избежавший петли». Впрочем, газетных заголовков было достаточно, чтобы догадаться, о чем идет речь – о судебном процессе, который состоялся накануне в зале суда № 1 в Олд-Бейли.

Трижды постучав молотком, секретарь объявил:

– Всем встать, суд идет!

Зал наполнил нестройный скрежет стульев. Мгновение спустя открылась боковая дверь и вошел судья Мелфорд Стивенсон – в парике и отделанной горностаем мантии. Стивенсон родился в приморском городе Ньюки в графстве Корнуолл в 1902 году и с 1957 года занимал пост судьи в Верховном суде. Двумя годами ранее он возглавлял защиту Рут Эллис, но в ходе разбирательства практически ничего не сказал от ее имени. После вынесения смертного приговора Стивенсон объяснил, что его пассивность была пожеланием клиентки. Эллис заранее предупредила его, что хочет поскорее воссоединиться со своим мертвым любовником. На протяжении своей карьеры Мелфорд Стивенсон заслужил противоречивую репутацию. Он питал слабость к суровым наказаниям (в 1969 году отправил близнецов Крэй²² за решетку минимум на 30 лет каждого) и редко стеснялся в выражениях. Однажды он назвал изнасилование одной молодой женщины «малоубедительным» только потому, что на нее напал бывший партнер. Иногда Стивенсон сухо и неуместно шутил. Одному обвиняемому, оправданному за изнасилование, он как-то сказал: «Вижу, вы родом из Слау. Ужасный город. Туда и возвращайтесь».

Дело, которое он рассматривал в июле 1962 года, стало громким значительно позже. В тот летний день судья удобно устроился в своем кресле, зрители в зале снова расселись по местам. Общественную галерею под стеклянным куполом заливал солнечный свет. Она высту-

---

²¹ В 1999 году, после передачи дела Хэнрэтти в Комиссию по рассмотрению новых уголовных дел, образцы ДНК с нижнего белья Валери Стори и носового платка, принадлежавшего Хэнрэтти, подтвердили совпадение с образцами, предоставленными матерью и братом преступника. Доказательная ДНК в два с половиной миллиона раз с большей вероятностью принадлежала Хэнрэтти, чем кому-либо другому. В 2001 году его тело эксгумировали, чтобы извлечь ДНК. Она в точности совпала с ДНК, сохранившейся на нижнем белье и носовом платке.

²² Братья-близнецы Крэй – преступники, контролировавшие большую часть организованной преступной деятельности в Лондоне на рубеже 1950-х и 1960-х годов.

пала над залом, словно театральный балкон. На стульях сидели мужчины в костюмах и рубашках с открытым воротом, женщины – в летних платьях с наброшенными на плечи кардиганами. Зрители то и дело прикладывали ко лбам носовые платки и обмахивались сложенными в гармошку листами бумаги, спасаясь от духоты.

Место в первом ряду занимала очень симпатичная молодая женщина с темными волосами. Она ничем не выдавала своего волнения, только крепко держала за руку почтенную даму, стоявшую рядом. Под ними, напротив кресла судьи, бок о бок сидели стороны обвинения и защиты. Каждый раз, когда кто-то из участников заседания вставал, раздавался глухой стук – кресла, обитые зеленой кожей, как в театре, откидывались назад.

Места позади защиты занимали городские чиновники и члены коллегии адвокатов. Журналисты (исключительно мужчины) по обе стороны скамьи подсудимых уже строчили в блокнотах стенографические закорючки. Как опытные посетители судов, они понимали, что заседание долго не продлится – ложа для присяжных была пуста.

Какое-то время в зале царил тишина, если не считать низкого гула отопительных труб, случайных скрипов и сдавленного покашливания публики. Но тут раздался слабый звук шагов где-то под залом суда. Шаги становились все громче, и вот в зал вывели миниатюрную фигурку в окружении крепких охранников в форме.

Зрители на общественной галерее инстинктивно подались вперед. Молодая женщина в первом ряду крепче сжала руку пожилой дамы. На местах для прессы ветеран судебного репортажа из газеты «Дейли Экспресс» Арнольд Лэтчем вытянул шею, чтобы лучше видеть, его примеру последовал Питер Харрис из «Дейли Миррор». Оба журналиста давно привыкли к трагедиям, ужасам и необъяснимым историям, которые разыгрывались в Олд-Бейли каждый день. Криминальных репортеров сложно шокировать, но в тот день газетные статьи Лэтчема и Харриса в полной мере отразили специфичность заседания.

Обвиняемый открыл рот всего раз. Он подтвердил свое имя и адрес в пригороде Нисден, признал себя виновным по трем пунктам обвинения в незаконном и умышленном применении «вредного вещества». Затем он сел на край скамьи подсудимых, которую специально приподняли на один уровень с судейским креслом. Обвиняемый совершенно терялся в огромной, 16 на 14 футов, камере, с трех сторон защищенной двойным противоударным стеклом. Обычно в ней размещали десять и более обвиняемых в сговоре. Но Грэм Фредерик Янг был один. На момент суда ему исполнилось всего 14 лет.

Питер Харрис из «Дейли Миррор» описал его как «темноволосого и бледного парнишку, который и бровью не повел во время суда». Десять лет спустя репортер Арнольд Лэтчем будет вспоминать: «В тот летний день, 5 июля 1962 года, он расслабленно сидел на скамье подсудимых, скрестив ноги, в опрятном темно-синем школьном свитере и серых фланелевых брюках». Для заключенного из камеры под Олд-Бейли Грэм выглядел крайне необычно. Маленький, но долговязый, с острым лицом и аккуратно зачесанными направо черными волосами, он холодно поглядывал на судью, адвоката и репортеров – все они единодушно прозвали его Мальчиком-отравителем. Его бесстрастного взгляда избежала только общественная галерея. Грэм старательно отводил глаза от двух женщин, державшихся за руки.

Но вскоре его внимание привлекло движение на скамье адвокатов. Со своего места встал Эдвард Джеймс Патрик Кассен, отточенным движением пригладив свою черную мантию. Уроженцу Лимерика Кассену было под 60, во время войны он работал юрисконсультантом для МИ5²³, первый кабинет ему выделили в тюрьме Уормвуд-Скрабс. В 1944 году он провел знаменитый допрос П. Г. Вудхауса насчет радиопередач, которые автор популярной серии книг «Дживс и Вустер» записал при финансовой поддержке нацистов для трансляции в США. Кассен входил в число шести консультантов Министерства финансов и зарекомендовал себя как строгий,

---

²³ Национальная служба безопасности Великобритании.

но крайне справедливый служитель закона. Поговаривали, что заключенные даже присылали ему открытки.

Кратко описав детство Грэма (в жизни обвиняемого были вещи и поинтереснее), Кассен изложил суть жуткого дела: мальчик в течение нескольких месяцев подмешивал сурьму и тартрат калия сурьмы в еду своего отца, травил пакеты с ланчем школьного друга, а в чай сестры добавлял белладонну. Мотивы во всех трех случаях были неоднозначными. Обвиняемый не ревновал и не желал смерти своим жертвам. Как объяснил Кассен, мальчик на скамье подсудимых просто хотел узнать, как каждое вещество повлияет на трех разных человек. Даже обвинение было вынуждено признать, что в действиях Грэма не было по-настоящему злого умысла. Он, скорее, проявлял «странный и опасный интерес» к ядам и на удивление неплохо в них разбирался. Кассен подробно описал симптомы, от которых страдали все три жертвы, и отметил, что им невероятно повезло остаться в живых. Отец мальчика заработал необратимое повреждение печени, не говоря о полученной психологической травме. Затем Кассен извлек из стопки бумаг перед собой лист «Вещественное доказательство № 25» и целиком зачитал заявление Грэма суду:

«Я крайне заинтересовался ядами, их свойствами и действием еще в 11 лет. В мае прошлого, 1961 года я купил 25 миллиграммов тартрата калия сурьмы в аптеке «Рис Лимитед» на Нисден-лейн. Через пару недель я опробовал этот яд на своем друге Джоне Уильямсе...»

Особое впечатление на публику произвел следующий отрывок:

«Отмеренные мной дозы не были смертельными, но я понимал, что поступаю неправильно. Я как будто впал в зависимость, только вот наркотики принимал не я».

При этом Кассен подчеркнул, что, хотя Грэм и травил домашнюю еду, суду стоит принять во внимание, что скоропостижная кончина его мачехи с этим не связана – вскрытие подтвердило смерть от естественных причин.

Закончив выступление, Кассен сел на место. Грэма в суде защищала 35-летняя Джин Саутворт. Уроженка ланкаширского города Клитеро, во время войны Саутворт работала дешифровщицей в Блетчли-парке и прошла через многое, чтобы добиться практики в коллегии адвокатов по уголовным делам. На тот момент в отдельных госорганах женщинам отказывали в работе. В дальнейшем Саутворт станет одной из первых женщин-судей в Англии.

Совершенно неотразимая, она спокойным тоном описала трагические годы взросления ее клиента, которые, будем честны, продолжались до сих пор. Отстаивать интересы Грэма в суде было поистине непросто. Свидетелей у защиты не было, а двое врачей, привлеченных обвинением, не стеснялись жестко и прямо высказывать свое профессиональное мнение. Одним из них был доктор Кристофер Фиш – выдающийся психиатр, он подробно побеседовал с Грэмом во время его предварительного заключения. Доктор Фиш заявил суду, что обвиняемый страдает психопатическим расстройством, которое и «толкнуло его на попытку убийства ради удовлетворения тяги к ядам». Свою точку зрения он подкреплял словами самого Грэма: «Я скучаю по своей сурьме. Я скучаю по силе, которую она мне дает».

На вопрос, что он думает о будущем мальчика, доктор Фиш ответил:

– На мой взгляд, ему необходимо содержание в специализированной больнице. В Брод-муре для него найдется место.

– Мальчик использует слово «зависимость», – вставил судья Стивенсон. – Что вы об этом думаете?

– Он одержим ядами из-за чувства власти, которым они его наделяют, – ответил Фиш. – Он считает себя крайне осведомленным в этой области.

– И каков ваш прогноз? – поинтересовался судья.

– Отрицательный.

– То есть вы считаете, что его поведение не изменится и в будущем он воспользуется шансом, если такой выпадет?

Психиатр ответил сразу:

– Думаю, вероятность крайне высока.

Затем встала мисс Саутворт, чтобы допросить свидетеля. Напомнив, как ее клиент отмерял количество отравы, она спросила:

– Доктор Фиш, вы согласны, что мистер Янг понимал, что такое смертельная доза?

– В каких-то случаях – да, – отозвался психиатр. – В остальных... нет.

– Вы согласны, что у него не было умысла убивать?

Фиш ненадолго задумался.

– Я бы сказал, что он был готов взять на себя риск потенциального убийства.

Мисс Саутворт обернулась на Грэма, невозмутимо сидящего на скамье подсудимых.

– Вы считаете, что лечение в обычной больнице, а не специализированной лечебнице вроде Бродмура ему не подойдет?

Доктор Фиш покачал головой.

– По требованию Министерства здравоохранения мальчика осмотрел доктор Джеймс Кэмерон из больницы Модсли и пришел к заключению, что он слишком опасен для содержания в обычном лечебном учреждении.

Больше вопросов у мисс Саутворт не было.

Затем суду представили отчет доктора Дональда Блэра, врача с Харли-стрит и психиатра-консультанта в нескольких медицинских учреждениях. Доктор Блэр несколько раз подробно побеседовал с Грэмом и счел его «тихим, спокойным и отзывчивым». Он подробно описал их разговоры, упомянул «высокий интеллект» мальчика и явное «эмоциональное удовлетворение», которое тот получал от применения ядов. Обвиняемый «много читал» о токсикологии и интересовался «криминальной литературой, связанной с отравлениями». Вопреки утверждению обвинения о том, что мачеха Грэма умерла от естественных причин, доктор Блэр сомневался, что регулярное подмешивание сурьмы в домашнюю еду «не отразилось на ее здоровье».

Его окончательный диагноз был предельно ясным:

«Опираясь на все имеющиеся свидетельства, заявляю, что у мальчика, несмотря на высокий уровень интеллекта, наличествует врожденный дефект личности или, иными словами, психопатическая личность. В настоящее время молодой человек представляет собой очень серьезную угрозу для окружающих. Его пылкий, навязчивый и почти исключительный интерес к ядам и их действию вряд ли исчезнет, и он вполне может вернуться к хладнокровному, спокойному и расчетливому применению токсичных веществ в любой момент. На мой взгляд, его лечение в обычной психиатрической больнице невозможно. Он нуждается в специальных лекарствах, наблюдении и лечении, которые может предоставить исключительно профильная психиатрическая больница для преступников, например Бродмур. Прогноз сомнительный, но на основе имеющихся данных его можно назвать крайне неутешительным».

Последним свидетелем обвинения выступил детектив-инспектор Эдвард Крэбб. Он рассказал о полицейском расследовании дела Грэма и отметил, что его отец Фредерик Янг продал дом и переехал к своей сестре.

– Думаю, семья опасается возвращения мальчика, – заключил детектив.

Затем мисс Саутворт снова высказалась от имени своего клиента и подчеркнула, что, хотя яда у Грэма была достаточно, он никогда не давал жертвам смертельные дозы. Она храбро попросила суд взглянуть на обвиняемого как на «наркомана, которого следует пожалеть за его зависимость». Кассен со своей стороны отметил, что обвинение проверит фармацевтов, отпустивших обвиняемому яд.

Судья Мелфорд Стивенсон повернулся к мисс Саутворт и спросил, согласна ли она, с учетом неоспоримых медицинских доказательств, что для мальчика «нет альтернативы, кроме Бродмура». Та неохотно согласилась.

Судья попросил обвиняемого встать, и Грэм поднялся на ноги. Мелфорд Стивенсон откашлялся, а затем в соответствии со статьей 66 Закона о психическом здоровье от 1959 года приговорил Грэма к лечению в Бродмуре. Ему запретили подавать апелляцию о досрочном освобождении до истечения 15-летнего срока без прямого одобрения министра внутренних дел, «потому что такие люди всегда опасны и умеют скрывать свою безумную одержимость, которую невозможно излечить до конца». Грэм стал самым молодым пациентом Бродмура с 1885 года, когда туда госпитализировали Билла Джэйлса после поджога стога сена. Джэйлс скончался всего за три месяца до суда над Грэмом, проведя в стенах Бродмура 87 лет.

Грэм покинул скамью подсудимых, так и не удостоив взглядом свою заплаканную сестру и тетю на общественной галерее. По подземным коридорам суда его провели в общую камеру, где осужденных держали в ожидании транспортировки, как скот в загоне. Одни плакали, другие дрались и кричали, но большинство пребывали в состоянии «неподвижного уныния».

Грэм стоял среди них, не обращая внимания на толчки и крики. Он не отрывал взгляда от еле различимого пятна на потолке и внутренне ликовал.

Несмотря на все усилия семьи, школы, врачей, полиции, судебных экспертов, сотрудников следственного изолятора, психиатров и квалифицированных юристов самого известного английского суда, его величайшая тайна осталась нераскрытой, а доказательства вины развеялись, словно дым.

В 14 лет Грэм Янг совершил идеальное убийство.

II
1947–1962
Нисден

Я избегал друзей и знакомых, но одиночество моего существования было невыносимым.
Агата Кристи, «Вилла «Белый конь»»

Глава 1

Убийственное чувство

«В детстве он был таким пухленьким, мы прозвали его Пудинг», – вспоминает Уинифред Янг с типичной прямоотой старшей сестры в своих мемуарах «Одержимый отравитель», опубликованных в 1973 году. Она была старше брата на восемь лет. В эти годы уместилась Вторая мировая война, а в семье Янгов произошли необратимые изменения.

В основном у Янгов были лондонские корни. Бабушка Уинифред и Грэма по отцовской линии Ханна в детстве трудилась в работном доме²⁴ Холборна. К 20 годам она заработала на собственный дом в Финсбери, воспитывала младшего брата и в совершенстве владела навыками французской полировки²⁵. Ханна вышла замуж за специалиста по ремонту ювелирных изделий Ральфа Фредерика Янга в День Святого Валентина в 1904 году, и они поселились в районе Сент-Джонс-Вуд.

Следующие несколько лет выдались бурными. Ханна быстро родила двоих сыновей: Ральфа в 1905 году и Фредерика в 1906-м. Год спустя она овдовела – ее 28-летний муж скоропостижно скончался. Вскоре после этого она познакомилась с Уильямом Дэвисом, водителем доставки на три года старше нее. Она поженилась в 1909 году, а в следующем году родилась их дочь Уинифред.

У них была крепкая семья, второй муж Ханны с любовью относился ко всем троим детям. Особая связь возникла между братом и сестрой со схожими именами – Фредом и Уинифред. С раннего детства они стояли друг за друга горой. Сострадание и практичность Уинифред стали для Фреда несокрушимой стеной, на которую он не раз опирался в поисках поддержки в последующие годы.

Незадолго до Первой мировой войны молодая семья переехала в Эдинбург. Уильяма призывали в армию, а когда конфликт закончился, он благополучно вернулся домой. Они переехали в Абердин, и все трое детей быстро освоили местный диалект. После школы Фред устроился работать в продуктовый магазин и влюбился в девушку по соседству – Маргарет Конбой Смит, дочь траулерного²⁶ инженера. Все называли ее Бесси, она была симпатичной темноволосой девушкой и до замужества работала экономкой. Свадьба состоялась 8 декабря 1936 года в римско-католической церкви Святого Петра в Абердине. Жениху на тот момент было 30 лет, его невесте – 22 года. Три года спустя Бесси родила дочь, которую они назвали в честь обожаемой сестры – Уинифред Маргарет. Бесси была самоотверженной матерью, а Фред – любящим, пусть и не самым ласковым отцом.

Но мир потрясла глобальная трагедия. 3 сентября 1939 года Великобритания объявила войну гитлеровской Германии. Вся семья, кроме Бесси и ребенка, вернулась в Лондон. Они осели в пригороде Нисден. В документальном фильме 1973 года «Метролэнд» сэр Джон Бетчман²⁷ описывал местную застройку как «лилипутские домики для самых обычных граждан». К 1960-м годам Нисден стал олицетворением английского пригорода. В местном сатирическом журнале «Тайное око» его называли одинокой лондонской деревней, которую «легко ненавидеть», с дорогой, которая вьется, «словно лассо, петляя все шире и шире в непроглядной темноте».

---

²⁴ Работные дома – пенитенциарные и/или благотворительные учреждения, направленные на изоляцию и/или принуждение/стимуляцию к труду нуждающихся, мелких преступников и нищих.

²⁵ Французская полировка – метод отделки древесины, который позволяет получить ровную поверхность с ярким блеском и насыщенным цветом.

²⁶ Траулер – промысловое судно, предназначенное для лова тралом рыбы.

²⁷ Британский поэт и писатель, один из основателей Викторианского общества.

Нисден находится в 13 милях к северо-западу от Чаринг-Кросс, в лондонском районе Brent. Северная кольцевая дорога, которая идет от Вулвича на востоке до Чизвика на западе, делит его надвое. Транспорт определил судьбу и географию Нисдена: сначала через него шли поезда, затем – автомобили. Изначально пригород был небольшой фермерской деревушкой, но к началу XX века множество производителей перенесли свои фабрики из лондонского Ист-Энда на окраины. Кольцевую дорогу построили в обход Лондона, чтобы объединить новые промышленные районы и предоставить населению рабочие места после Первой мировой войны.

В 1924 году выставку «Британская империя» в районе Уэмбли-Парк посетили 27 миллионов человек. Это был настоящий триумф колониальной промышленности, машиностроения, садоводства и искусства. В центре выставки открылась новая спортивная площадка – оригинальный стадион «Уэмбли». Оценив зеленый пригород из окон электропоездов, многие посетители поняли, что хотят переехать из шумного города. «Метролэнд» удовлетворил это желание: рядом с железнодорожными станциями за пределами Нисдена в 1920–1930-е годы выросли новые жилые комплексы. В 1933 году Столичная железная дорога, соединяющая пригород с центром Лондона, перешла в ведение Лондонского совета по пассажирским перевозкам.

Фермерские угодья канули в Лету, уступив место рядам аккуратных домиков, выстроенных вдоль Северной кольцевой дороги и тянувшихся до самого горизонта. Появилась довольно развитая инфраструктура, например кинотеатр «Ритц» в стиле ар-деко. С 1935 года он был главной доминантой Нисден-хай-роуд, год спустя на его месте открыли торговый центр. Хотя производство процветало, население все же страдало из-за непродуманного городского планирования. Отсутствие мостов через реку Brent затрудняло передвижение между Нисденом и Уэмбли, а кольцевая дорога была, по сути, бетонным рвом. Зато в работе недостатка не было. Сначала Фред и Уин устроились на завод «Эйр Эдмиралти», где 60-летний Уильям работал ночным сторожем. Какое-то время семья вместе жила на Линкс-роуд, пока Фред искал дом, чтобы перевезти туда жену и дочь.

Уин обручилась с выходцем из Энфилда, муниципальным работником Фредом «Джеком» Ювенатом. Джек был на 12 лет старше своей невесты и вырос в Баттерси с тетей и дядей, которые владели отелем «Латчмер». Его первая жена умерла совсем молодой через девять лет после свадьбы. Семья Уин полюбила Джека, а ее отец Уильям, сам франкмасон, был счастлив узнать, что его новый зять состоял в том же обществе.

Фред быстро нашел работу на фабрике «Английские часы Смита» в Криклвуде. Входящий в состав «Смит Индастрис» завод по производству электрических и аналоговых часов был крупнейшим работодателем в районе, в 1939 году их штат насчитывал 8 тысяч человек. Много лет на одном из местных мостов висела табличка с надписью: «Криклвуд – родина часов Смита». Во время Второй мировой войны компания производила двигатели, авиационные и морские приборы, а также взрыватели для снарядов. Фред отвечал за эксплуатацию, настройку и проверку производственного оборудования и занимал эту должность до самого выхода на пенсию. Упорная работа позволила ему взять ипотеку на новый дом с террасой, тремя спальнями и садом на Доупул-роуд, 146.

Бесси и малышка воссоединились с ним перед свадьбой Уин и Джека в июле 1940 года. Блицкриг был в разгаре, жизнь на промышленной окраине Лондона считалась опасной. Днем и ночью над домами раздавался вой сирен воздушной тревоги. В августе 1940 года Фреду и его коллегам посчастливилось избежать взрыва бомбы, упавшей на главный ремонтный отдел фабрики. Жилые улицы регулярно бомбили, заставляя людей спешить в убежища или прятаться в клетки из оцинкованной стали, которые мастерили в садах и во дворах.

Янги, Дэвисы и Ювенаты пережили войну и остались невредимы. Сплоченные, как и всегда, все они жили поблизости друг от друга. Мать Фреда Ханна и отчим Уильям остались жить в доме 31 по Линкс-роуд, его сестра и зять переехали на Северную кольцевую дорогу, в дом 768,

где в июле 1942 года родилась их дочь Сандра. Спустя два года после окончания войны Бесси, к собственной радости, обнаружила, что снова беременна. Но уже через несколько недель у нее начались сильные боли в груди. Врачи диагностировали плеврит – воспаление легочной мембраны. Ее состояние быстро ухудшалось, поэтому ее положили на сохранение в родильный дом Уиллсдена на Ханипот-лейн в Кингсбери. Раньше на его месте стояла лечебница для больных оспой, теперь в трех павильонах лечили женщин на разных стадиях беременности и их новорожденных.

Несмотря на квалифицированную врачебную помощь, Бесси слабела с каждым днем. У нее развился туберкулез, она потеряла вес, испытывала трудности с дыханием и страдала от лихорадки. Затем она начала кашлять кровью. Ранним утром 7 сентября 1947 года начались роды.

– Они были очень тяжелыми, – вспоминал ее муж.

Родившийся ребенок не издал ни звука и еле шевелился. Из-за болезни матери ему тут же прописали антибиотики. Уинифред слышала, как ее бабушка называет малыша «крайне хрупким» и «синюшным», хотя в восемь лет ни она, ни ее двоюродная сестра не понимали, что это значит. Ребенок выздоровел, но состояние матери только ухудшилось. Рождество выдалось ужасным: 23 декабря 1947 года Бесси умерла от спинального абсцесса. Ей было 33 года.

– Я остался с двумя маленькими детьми на руках, работа никуда не делась, – вспоминал Фред 25 лет спустя. – Уинифред переехала к моей матери, а Грэма взяла к себе сестра.

Ребенок, названный Грэмом в честь шотландского друга семьи и Фредериком в честь своего отца, быстро завоевал любовь родственников, которые подарили ему дом. У них сформировались «нормальные, любящие отношения». Позже Уин называла себя «второй матерью» Грэма.

– Грэм был очень ласковым ребенком, – утверждала его сестра Уинифред. – Он называл моих тетю и дядю, родителей Сандры, тетушкой Пэнти и дядечкой Джеки. Думаю, он очень их любил.

Каждые выходные Фред приходил на Линкс-роуд и забирал дочь.

– Мы с ним ходили в дом за углом, навещали Грэма, – подтверждала Уинифред. – Вместе катали его в коляске. Дом 768 стоял прямо напротив Брентовского водохранилища, было здорово наблюдать оттуда за парусниками.

Под присмотром сестры и кузины Грэм рос счастливым ребенком.

– Сандра общалась с Грэмом чаще, чем я, потому что они жили вместе, – говорила Уинифред. – Между ними не было никакой ревности, они постоянно что-то вместе выдумывали и устраивали розыгрыши.

Грэм очень чутко спал. Уже в 18 месяцев он научился вытаскивать авторучку из кармана своего дяди Джека, когда он и Уин наклонялись, чтобы поцеловать его на ночь. Потом Грэм вставал в своей кроватке и разрисовывал стены, пока все спали.

Однако в два года он заболел, и это во многом повлияло на его поведение в начальной школе. Все началось с простой ушной инфекции, впоследствии Грэму диагностировали мастоидит – воспаление слизистой оболочки сосцевидного отростка за ухом. Хотя это довольно распространенный детский недуг, проблема оказалась серьезной – Грэму пришлось остаться на ночь в больнице. Уинифред вспоминала сцену прощания с семьей:

– Он кричал во весь голос, звал тетушку Пэнти и дядюшку Джека.

Грэму провели мириногомию. Во время операции доктор сделал в его барабанной перепонке крошечное отверстие, чтобы слить оттуда жидкость, а потом поставил капельницу. Когда тетя и дядя приехали за Грэмом, он «сиял от уха до уха». Этот опыт зародил в нем ужас перед любым медицинским вмешательством. В семье подозревали, что из-за этой же болезни Грэм приобрел привычку странно дергать пальцами и провалил устный тест на IQ. Позднее электроэнцефалограмма выявила нарушения в правом полушарии его мозга.

В следующем году сильное чувство тревоги из-за разлуки с близкими вернулось к Грэму – его 43-летний отец влюбился. Уроженке Хэмпстеда и дочери констебля полиции Британских железных дорог Гвендолин Молли Петли было 28 лет. Семья и друзья называли ее просто Молли. Она работала на фабрике Смитов вместе с Фредом и играла на аккордеоне в местном пабе. Молли была яркой девушкой, интересовалась всем вокруг, у нее было открытое лицо. Волосы она носила на пробор посередине, завивая по бокам локоны. Фред женился на ней 1 апреля 1950 года в загсе Уиллсдена. В семье вновь назрели перемены.

Полный решимости собрать своих детей под одной крышей, Фред продал жилье на Доупул-роуд и купил дом своей сестры на Северной кольцевой дороге. Уин и Джек вместе со своей дочерью Сандрой вернулись на Линкс-роуд, чтобы жить с Ханной и Уильямом (через год они скончались). Грэм остался жить в единственном доме, который знал, только тетю и дядю заменили отец и новая мачеха, а сестра Уинифред заняла место двоюродной сестры Сандры. Молли очень хотела поладить со своими пасынками, но дочь мужа приняла ее не сразу.

– Поначалу я вела себя с ней грубовато, – признавала Уинифред. – Наверное, мне не нравилось, что она заняла место мамы, – дети часто так думают. Но, когда я стала старше, мы нашли общий язык. А вот Грэм действительно ее любил. В отличие от меня, он нашу мать никогда не знал и называл Молли мамочкой.

Фред это подтверждал:

– В ходе расследования выдвигали теорию, что Грэм обиделся, когда его забрали у Уинни. Но он души не чаял в Молли, а она – в нем.

Тем не менее, Грэм все-таки испытывал некоторое смятение. В записях его бесед с психиатром упоминается, что он постоянно «убаюкивал сам себя по ночам, чтобы заснуть, и мочился в постель до десяти лет». Уинифред помнила, как брат раскачивался вперед-назад в своей кровати:

– Он делал это даже во сне и так при этом шумел, что однажды на нас даже сосед пожаловался. Кстати, мы с семьей недавно смотрели передачу о вьетнамских сиротах – они укачивали себя точно так же. Мы сразу подумали о Грэме.

Во всем остальном Грэм производил впечатление «любящего ребенка, способного на проявление положительных эмоций».

Зная, как крепко пасынок любит своих дядю и тетю, Молли регулярно брала его в гости к Ювенатам. Трое детей хорошо ладили между собой, девочки водили Грэма играть на водохранилище. Район был отлично приспособлен для детей, за исключением оживленных дорог. Сверстники Грэма бегали по Северной кольцевой дороге, запрыгивали в вагоны на железнодорожной станции, играли на площади возле моста, где гораздо позже появился огромный магазин «Икеа». Грэм не любил физическую активность и никогда не присоединялся к соседским детям, чтобы поплавать на общественном пляже Уиллсдена или в бассейне в Глэдстоун-парке. Он был счастлив только в обществе своих сестер, которые любили придумывать и играть пьесы собственного сочинения. Грэм соглашался на любую роль. Однажды ему пришлось полчаса простоять на «сцене», изображая уличный фонарь.

Уинифред и Сара уже закончили начальную школу Брейнткрофта, когда Грэм пошел в первый класс. Эта муниципальная школа, расположенная на Уоррен-роуд, в полумиле от его дома, открылась в 1928 году. «Пухлый маленький мальчик с темно-каштановыми волосами, маленьким круглым лицом и веснушками» завел мало друзей в новой школе и демонстративно игнорировал все игры на детской площадке. Он не особенно интересовался учебой и еще меньше спортом, зато обожал читать. Одноклассники относились к нему как к мебели. Над ним никогда не издевались, его компании не избегали, но он сам ясно давал понять, что предпочитает книги или одиночество. На фотографиях из школьной поездки в Суонедж в графстве Дорсет он выглядит нескладным 6-летним ребенком в аккуратном школьном свитере и шапочке – сгорбленный, с приклеенной к лицу ухмылкой.

У Фреда Янга сохранилось лишь одно светлое воспоминание о последних годах жизни Грэма в Брейнткрофте. Он считал это заслугой Уинифред и Сандры:

– В школе Грэм был тихим, замкнутым мальчиком. Он посредственно учился, но открыл в себе удивительно талантливого актера. Помню, как ходил смотреть на него в школьном спектакле. Он играл злого барона и сделал это так убедительно, что сорвал настоящие овации.

Другое представление (Грэм играл уродливую сестру в рождественской постановке) было не менее успешным. В семье отмечали, что в хорошем настроении Грэм проявлял неплохое чувство юмора, мог подшутить над собственной привередливостью и умел тонко подмечать недостатки окружающих.

Янги жили размеренно и тихо. Раз в неделю Фред выбирался в паб, но редко напивался. Молли обычно составляла ему компанию, оставляя Грэма на Линкс-роуд с бабушкой, тетей и дядей, которых он и так навещал каждый день как по расписанию. Позже Уин будет задаваться вопросом, не связаны ли преступления Грэма с «потерей сразу двух матерей в возрасте трех лет». И действительно, в какой-то момент его глубоко спрятанная боль начала пробиваться наружу. В 1960 году, находясь под арестом, Грэм вспоминал:

– Я не особо эмоциональный. Раньше был, лет в семь. Ревел каждый раз, когда вспоминал, что мама умерла.

Он плакал перед сном, размышляя, как бы сложилась его жизнь, будь его мать жива. От грустных мыслей ему снились кошмары, он стал ходить во сне. Его сестра вспоминала:

– Однажды наша мачеха Молли услышала какой-то шум посреди ночи, побежала в гостиную, где Грэм спал на раскладном диване, и успела подхватить его, прежде чем он свалился с буфета. Видимо, во сне он как-то залез на него, прошелся по верху и уже собирался прыгнуть, когда она его поймала.

Спустя годы Грэм расскажет очередному психиатру, что в том возрасте он часто лежал в кровати без сна, чувствуя, «как меняется сознание, вещи то отдаляются, то приближаются, в голове пульсирует, мысли текут медленно, ты как будто находишься вне себя». В детстве он никому об этом не рассказывал.

Потеря матери в раннем возрасте причинила Грэму сильную эмоциональную травму, а поведение отца только усугубило ее. Фрэнк Уокер (для Грэма и его сестер – дядя Фрэнк) много лет был другом семьи и очень любил детей. Он подозревал, что Фред винил своего сына в смерти Бесси и потому относился к Грэму слишком строго. Их отношения беспокоили Фрэнка, они казались ему слишком холодными:

– Насколько я знаю, отец никогда не уделял ему время. Никогда не хвалил за успехи и все такое.

Во время бесед с Грэмом в 1972 году психиатр-консультант доктор Питер Скотт отмечал:

– Обвиняемый плохо ладил со своим отцом, которого окружающие называли «сложным человеком». По словам обвиняемого, в детстве он часто чувствовал, что его «подавляют» и не понимают.

Один из сотрудников Бродмура в середине 1960-х говорил, что Фрэд Янг «не воспринимал иного мнения, кроме собственного, и не вникал в проблемы окружающих». Доктор Патрик Макграт, в то время бывший заведующим в Бродмуре, подтверждал это словами Уин, которая была полностью на стороне племянника:

– Тетя Грэма считала, что его отец, ее брат, был черствым и эгоистичным человеком, равнодушным к чувствам окружающих. Он часто унижал Грэма из-за его скудных математических способностей.

Неутешительную характеристику в ходе расследования получила и Молли Янг. В одном из отчетов Бродмура ее посмертно описывали как «властную, гордую и жесткую» женщину. Доктор Макграт считал, что она была «барахольщицей и скопидомкой... проявляла чрезмерную заботу». Доктор Питер Скотт в своих записях упоминал, что Грэм «явно неоднозначно

относится к своей мачехе – то защищает, то ненавидит. Вспоминает ее трость, жадность, накопительские привычки. Говорит, что друзей у нее не было. Она запрещала ему приглашать домой гостей. Все эти факты в дальнейшем подтвердили независимые источники».

Фред испытывал к своему маленькому сыну смешанные чувства и из-за этого долгое время не мог адекватно выражать привязанность. Тем не менее, впоследствии он научился проявлять любовь и прощение в ситуациях, с которыми большинство родителей просто бы не справились. То же самое произошло с Молли Янг. Во время досудебных допросов Грэма в полиции в 1962 году Уин уже не критиковала своего брата и невестку:

– Моя невестка была хорошей матерью, очень гордилась своей семьей, а мой брат Фред был очень с ней счастлив.

Но те немногие друзья, которых Грэм завел в школе, вспоминают, что он часто жаловался на Молли: она была слишком строгой, не выделяла ему карманных денег («На расходы ему давала я, так как он постоянно таскал мелочь из карманов», – рассказывала Уин полиции.) и сломала его коллекцию моделей самолетиков после какого-то незначительного проступка. Он утверждал, что после школы Молли запирала его в комнате, пока Фред не приходил с работы, чтобы Грэм не перекусывал до ужина. Ему не разрешали завести собаку, и Грэма это возмущало. Сама Молли любила животных так же сильно, как и остальные члены семьи, и всего лишь беспокоилась, что питомец может попасть под машину из-за оживленного движения на дороге, у которой они жили. В конце концов она согласилась на волнистого попугайчика. Маленькая желтая птичка по кличке Лимон часами сидела у Грэма на пальце. Но когда Молли начала ворчать, что ее пасынок общается с Лимоном больше, чем с родственниками, и в шутку пообещала забрать у него птичку, Грэм воспринял ее слова как угрозу.

Страх Молли перед Северной кольцевой дорогой оправдался в 1955 году, когда Грэма сбила машина. Серьезно он не пострадал. Кроме заметки доктора Питера Скотта об этой аварии не сохранилось никаких записей. Тем не менее, именно она спровоцировала ключевые изменения в характере Грэма, которые позже проявились в полную силу.

Глава 2

Ядовитое логово

Зловещие темные тучи предвещали грозу, готовую в любую минуту разразиться над невзрачным домом у Северной кольцевой дороги. После аварии Грэм еще больше полюбил чтение и постоянно возвращался к излюбленным полкам в местной библиотеке. Его интересы были специфичными: история, оккультизм и фармацевтика. Он читал увесистые тома автобиографий: Юлий и Тиберий Цезари, кайзер Вильгельм II, Оливер Кромвель, Иосиф Сталин и Адольф Гитлер. На тот момент Грэму едва исполнилось девять. Война закончилась всего десять лет назад и до сих пор оставалась щекотливой темой, но его воображение будоражили истории о массовых факельных шествиях нацистов, о пылких, яростных речах Гитлера. Пока другие мальчики коллекционировали марки и наклейки, Грэм собирал газетные вырезки о войне в Германии, а однажды смастерил себе нарукавную повязку со свастикой. Его семья относилась к этому спокойно – его увлечение воспринимали как блажь, а не тревожный звонок. Когда Уин спросили об этом, она лишь покачала головой:

– Гитлер? Думаю, Грэм мог бы даже рассказать, что тот обычно ел на завтрак.

А вот Молли увлечения пасынка беспокоили куда сильнее. Однажды она пришла в библиотеку и попросила старшего библиотекаря отслеживать книги, которые берет Грэм, и не выдавать ему некоторые из них. Библиотекарь заверил ее, что в изучении новейшей истории нет ничего плохого, а любой интерес к новой теме всего лишь временное явление. Раздраженный вмешательством мачехи, Грэм стал читать любимые книги вдали от ее пристального взгляда, на водохранилище.

Фрэд Янг никак не реагировал на ситуацию, но позже признался, что именно в тот момент осознал, насколько его сын отличается от сверстников:

– У него не было друзей, он не интересовался обычными мальчишескими забавами и постоянно что-то читал.

Уин, как всегда, души не чаяла в племяннике, но к своему ужасу вскоре поняла, что, хотя он и был «воспитанным, вежливым, но замкнутым ребенком», у него развилось «болезненное пристрастие к книгам о ядах, смерти, вуду и о других жутких вещах».

Семья пыталась не обращать внимания на опасные интересы Грэма, но вскоре это стало затруднительно – появились новые поводы для тревоги. Позже в психиатрических отчетах зафиксировано, что в десять лет Грэма «приводили во все классы школы по очереди и заставляли извиняться за организацию антиеврейского движения». Реакция школы похвальна, но после этого случая и учителя начали замечать, что Грэм ведет себя странно. Классный руководитель описывал его как «среднестатистического ученика, отличающегося коварностью и хитростью», который «часто попадает в неприятности, но избегает наказания».

Тем временем Грэм все сильнее увлекался оккультизмом. Как-то он спросил Сандру, много ли она про это читала. Та ответила, что не интересуется темой. Грэм начал объяснять, почему это так увлекательно. Он рассказал, что многому научился у парня, который ходит вместе с ним в библиотеку и называет себя членом ковена²⁸ Уиллесдена. Тогда Сандра отнеслась к словам Грэма скептически. Встревожилась она позднее, когда они с матерью нашли в кармане одной из курток Грэма крошечную фигурку из рыжего пластилина. У фигурки были зеленые ноги, а из тела торчали швейные иголки.

Постепенно господство в маленьком мирке Грэма захватила одна конкретная тема. Во время обучения Фред советовал сыну подумать о карьере инженера, но в последний год учебы

---

²⁸ В английском языке традиционное обозначение сообщества ведьм, регулярно собирающихся для отправления обрядов на ночной шабаш.

в начальной школе Грэм прямо сказал отцу, что это скучно и химия привлекает его гораздо больше. Сандра как-то застала его за разглядыванием маленьких флакончиков на туалетном столике его бабушки в доме на Линкс-роуд.

– Он начал проявлять интерес к странным вещам, – вспоминала она. – Постоянно собирал пузырьки из-под духов и другие флакончики с резким запахом, особенно из-под лака для ногтей.

Ее мать тоже заметила необычное увлечение Грэма:

– Он постоянно носил в карманах маленькие бутылочки. Мы их находили и выбрасывали.

Позже они поняли, что Грэм вдыхал пары ацетона и эфира, которые оказывали на него возбуждающее действие. Иногда он доставал из кармана пузырек и просил сестру, тетю или кузину угадать содержимое по запаху, а потом сам перечислял все ингредиенты. Он рассказывал о воздействии различных ядов на человеческий организм. Однажды он подробно описал Сандре, что будет, если принять аспирин на пустой желудок. Когда кто-то из членов семьи неважно себя чувствовал, Грэм расспрашивал о симптомах, словно квалифицированный врач, а потом советовал лекарство. Он знал медицинское название каждой болезни и демонстрировал выдающуюся память на детали.

Его страстью стали яды. Он брал в библиотеке тематические книги и прятал их под фальшивыми обложками, чтобы не расстраивать маму.

Он почти не готовился к выпускным экзаменам и сам больше остальных членов семьи удивился, когда успешно их сдал. В качестве поощрения отец купил ему набор для химических опытов.

В конце 1950-х жизнь в Нисдене была ключом. Здесь, совсем недалеко от свингующего Лондона, родилась первая супермодель Твигги, появилась и захватила вершину музыкальных чартов группа «Джонни и Пираты», а в кафе «Эйс», гудящем в такт рок-н-ролла и реву мотоциклов, процветала молодежная культура. В многочисленных пабах, украшенных барельефами в стиле Тюдоров, было не протолкнуться – по мере развития застройки количество посетителей постоянно увеличивалось. И все же, несмотря на весь свой потенциал, Нисден медленно, но верно скатывался в упадок. Газета «Нью Стейтсмен» привела пригород в качестве яркого примера того, что идет не так, когда большая дорога «одновременно делит и душит территорию».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.